

А. И. Соболев

ЛЕКСИКА ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В АНДОМСКИХ ГОВОРАХ

В составе русских говоров Обонежья — территорий, входивших ранее в состав Никольского Андомского погоста Обонежской пятины (север Вытегорского района Вологодской области и юг Пудожского района Республики Карелия) — бытует значительное число слов прибалтийско-финского (главным образом, вепсского и карельского) происхождения. Вообще, по данным современного исследователя говоров Обонежья С. А. Мызникова, лексический пласт прибалтийско-финского происхождения в русских говорах Обонежья и прилегающих районов насчитывает более одной тысячи слов¹. Именно на говоры Обонежья приходится наибольший удельный вес неисконной лексики среди остальных русских говоров Северо-Запада².

С. А. Мызников также полагает, что «по-видимому, в русских говорах Обонежья слова прибалтийско-финского происхождения представляют субстрат, то есть основной их корпус вошел в говоры в результате перехода носителей прибалтийско-финских языков на русскую речь»³. Кроме документальных доказательств смены языка, в некоторых районах Обонежья о субстрате, по данным С. А. Мызникова, говорят:

«1. Наличие большого числа оноματοпоэтических экспрессивных глаголов с большим числом синонимов, что является лексической избыточностью, свидетельствующей о субстрате»⁴. (Ср., например, андомские глаголы арандаты, борандаты, бузяндаты — «ворчать»).

«2. Существует мнение, что наличие неисконных наименований частей тела также свидетельствует о субстрате: *кобры* 'руки', *игенет* 'десна', *легушка* 'подбородок', *хойка* 'талия', *ландых* 'бедро', *ши-*

маки 'волосы'»⁵. (Ср. андомское *кабры* — «руки», *шимы* — «рас-трепаннные волосы»).

Согласно данным А. С. Герд, приводимым С. А. Мызниковым, «русские в Заонежье, Пудожье, Вытегре — представляют результат скрещивания двух этнолингвистических групп: восточнославянской (новгородской) и прибалтийско-финской (вепсской), постепенно перешедших в течение веков на русскую речь»⁶. В подтверждение относительно недавнего обрусения значительной части вепсского населения южного Обонежья И. И. Муллонен приводит, в том числе, слова И. Э. Рут, о том, что жители Вытегорского района «хорошо ощущают наличие вепсского по происхождению пласта лексики в своем говоре и постоянно подчеркивают это в беседах. Данный факт — явное свидетельство «неостывшего контакта народов»⁷.

О том, что жители Вытегорского района ощущают пласт неисконной лексики в местном русском говоре свидетельствует также уроженец Андомы-горы Ф. Паршуков, который в своем рукописном очерке «Испытание», вспоминая работу в народном суде в 1920-е годы, писал, что «слова из местного говора неграмотных или малограмотных людей — потомков древнейших племен: веси, чуди, карел, финн, новгородцев, уральцев — эта смесь говора, исторически сложившегося из разных языков племен, была понятна аудитории...»⁸.

Кроме того, подтверждается это и нашими полевыми данными — например, в 2002 году двое жителей деревни Макачёво на вопрос автора настоящей статьи о наличии карельских слов в местном говоре сообщили, что такие слова имеются и назвали для примера следующие слова: *койбы* — «ноги» и *веньгать* — «плакать», указав, что их в своей речи используют переселенцы из деревни Ухтозеро. Остается отметить, что слова эти действительно имеют прибалтийско-финское происхождение.

Лексика прибалтийско-финского происхождения в материалах Г. Студитова, Н. Шайжина, Г. И. Куликовского, Ф. Паршукова. Часть лексического материала андомских говоров, имеющего прибалтийско-финское происхождение, была самостоятельно выявлена нами при анализе словарей и материалов, собранных в XIX—XX веках Г. Студитовым (1854), Н. Шайжиным (1903), Г. И. Куликовским (1898), Ф. Паршуковым (1983), а затем этимологизирована с использованием работ С. А. Мызникова⁹, М. Фасмера¹⁰, словарей вепсского, карельского, финского языков¹¹.

Пожалуй, одним из первых диалектную лексику говоров юга Пудо-жского уезда Олонецкой губернии, куда входили также гакукские говоры (часть говоров исторического Никольского Андомского погоста), зафиксировал священник Студитов в заполненной им анкете Русского географического общества¹². Собранный Г. Студитовым «Словарь русских слов с показанием местного наречия» (1854) был проанализирован нами на наличие слов, имеющих прибалтийско-финское происхождение и в нем выявлено более 10 таких слов (прил. 1).

Изучение говоров Нигижемской волости (куда входила и Гакукса)¹³ было продолжено в начале XX века Н. Шайжиным (1903)¹⁴. По нашим данным, из собранных им слов более 20 имеют прибалтийско-финское происхождение (прил. 2).

Говоры деревень Никольского Андомского погоста, в XIX — начале XX века входивших в Вытегорский уезд Олонецкой губернии, были отражены Г. И. Куликовским в «Словаре областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении» (1898)¹⁵. Среди упоминаемых в словаре в качестве места сбора материала местностей Олонецкой губернии упомянуты интересующие нас населенные пункты Вытегорского уезда: деревни Айнозеро и Андома Макачёвской волости, Тудозеро Макачёвской волости, Макачёвская волость («Макачёво»), Никулинская волость («Никулино»). Из словаря Г. И. Куликовского нами была выбрана лексика, распространенная на данной территории и имеющая прибалтийско-финское происхождение. Таких слов оказалось более 20 (прил. 3).

Более 60 слов, имеющих прибалтийско-финское происхождение, нами выявлено в рукописи Ф. Паршукова «Живая речь андомого-ров» (1983)¹⁶, отражающей особенности говора жителей Андомыгоры — нескольких деревень, располагающихся на берегу Онежского озера к югу от устья реки Андомы.

Лексический материал, собранный на территории Андомского погоста и этимологизированный С. А. Мызниковым и К. К. Логиновым. К. К. Логинов в своей статье «“Вепский след” в традиционной культуре русских юго-восточного Прионежья» (2000) указывает более 30 слов из говоров бывшего Андомского района, имеющих прибалтийско-финское (вепское и карельское) происхождение.

Из них с указанием этимологии упоминаются следующие: *гарма* — «молодые проростки полевого хвоща», *кабу* — «кольшечек в на-

сторожке охотничьей ловушки», *кагачи* — «связки из ветвей на стогах сена», *кабуша* — «поминальное блюдо», *калужины* — «подводные коряги», *кандужка* — «островок среди болота; верхняя ветка в сторожке охотничьей ловушки», *карбовина* — «густой темный ельник», *кенда* — «песчаная дюна с сосняком на берегу Онежского озера», *кибрушка* — «берестяной поплавок на сети», *кубас* — «бук над поставленной в озере снастью», *кукша* — «орган пищеварения со многими отростками у налима или щуки», *лаксы* — «маленькие болотины», *ластега* — «лучина в рыбацкой плетеной загородке», *легдан*, *легдач* — «нить, веревочка в сторожке охотничьей ловушки», *луда* — «подводная мель», *макса* — «рыбья печень», *нодья* — «охотничий костер, горящий всю ночь», *пистега* — «манок из пера на рябчика», *пестух* — «молодые проростки папоротника орляка», *румеха* — «полова от обмолота зерновых», *салага* — «мелкая рыбешка или уклейка», *сальма* — «пролив», *торбать* — «плюхать по воде, загоняя рыбу в сети», *торница* — «речная форель», *торушка* — «берестяной поплавок на сети», *тукач* — «связка соломы», *тюрзи* — «один из видов овсяных блинов», *шорпы* (в словосочетаниях — двушорпачная рогатина на медведя, трехшорпачный крючок), *соромины* — «подпорки с развиками на конце для стогов сена», *кокша* — «топор для долбления лодок из осины; деревянный молот или дубинка для разбивания комьев земли на поле; мотыга для рыхления земли или окучивания». Без указания конкретных слов-источников заимствования отмечены: *выргасы* — «парни в возрасте ухажеров», *каян* — «лосось с отростком на нижней губе, весом от 8 до 16 килограммов и более», *кердяжный* — «сук в манке на боровую дичь», *малтать* — «уметь», *пайгажи* — «дети», *ремак* — «нитка для привязывания груза к сети, неводу». Без указания значения отмечены слова *арандать*, *бурандать*, *корзать*, *шабрать*, *шавердать*¹⁷.

С. А. Мызников в своей работе «Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения» (2003) упоминает более 50 слов (прил. 5), имеющих прибалтийско-финское происхождение в андомских (в том числе гакукских) говорах. По интересующей нас территории местами сбора материала, судя по пометам, являются центральные андомские (Андома, Гуляево), андомогорские (Гневашевская, Ольково), саминские (Самино, Титово), макачёвские (Макачёво) и тудозерские (Тудозеро, Щекино, Устье) населенные пун-

кты Вытегорского района Вологодской области и деревня Гаукса Пудожского района Республики Карелия.

По данным С. А. Мызникова, большинство указанных слов — «чисто вепсского происхождения вместе с людиковскими и ливвиковскими диалектами» (букля, кара, кенда, раека, рядега и проч.). Небольшую часть составляют слова собственно карельского происхождения (сельга, ропас, коппала и проч.)¹⁸. Отметим, что зафиксированные в Гауксе слова — *гайрус*, *габук*, *кагачи*, *коппала*, *кукли*, *пинда*, *сибандать*, *петушки* («плоды шиповника»), по нашим полевым данным, распространены и на севере Вытегорского района. О *петушках* отметим, что согласно мнению С. А. Мызникова, данное название плодов шиповника является отражением семантической системы вепсского языка — вепс. *kukoinkarang*, *kukinkarang* — «шиповник», при вепс. *kukoi* — «петух»¹⁹.

Полевые данные автора статьи. Автором настоящей статьи в 2008 году на территории Андомской сельской администрации Вытегорского района Вологодской области производился сбор лексического материала, имеющего прибалтийско-финское происхождение. Многие из приводимых ниже слов знакомы автору статьи с 1980—1990-х годов, некоторые из слов были записаны в 2002 году на территории Макачёвской сельской администрации (деревня Макачёво). В настоящей статье использована часть данных, записанных в 2008 году у уроженцев ныне не существующих населенных пунктов — деревень Подбережье и Горняя Слободского сельского совета, деревни Ильинцы Куржекского сельского совета, деревни Чекша-речка Замошского сельского совета, деревни Мосягино Андоморецкого сельского совета, деревень Мурда и Ухтозеро Сойдинского сельского совета²⁰, позднее переехавших в Андомский или Макачёвский сельские советы, а также у уроженцев Андомского сельского совета (деревни Митрово и Сорочье Поле). При сборе материала в качестве вопросника использовался «Словник-вопросник по изучению заимствованных карельских, вепсских, финских и областных слов в говорах КФССР» В. И. Алатырева²¹.

Точная привязка слов к населенным пунктам в настоящее время не представляется возможной по причине длительного (с 1950—1960-х годов) проживания информантов за пределами своих родных деревень и смешения говоров. Однако, несомненно, что большинство из приводимых нами слов известны жителям сел Андомы, Самина, Макачёво, Замошья, а также бытовали в ныне не существующих

населенных пунктах — Слободе, Ильинцах, Цимино, Мальяне и Чекше.

Собранный материал (более 90 слов) был этимологизирован с использованием работ С. А. Мызникова²², М. Фасмера²³, словарей вепсского, карельского, финского языков²⁴. Материал позволяет значительно расширить число слов прибалтийско-финского происхождения, распространенных в андомских говорах. Часть из слов ранее не отмечалась в известных нам словарях диалектной лексики по указанной территории. В алфавитном порядке в приложении 6 приводится часть собранных нами слов, в большинстве случаев не отмеченных для данной территории в работах К. К. Логинова и С. А. Мызникова.

О двойных заимствованиях и неоднозначных этимологиях. Отметим также, что в андомских говорах многочисленны глаголы с имеющими прибалтийско-финское происхождение суффиксами *-анда-* / *-айда-*, *-шт-*. Согласно данным Э. М. Дубровиной и А. С. Герд, приводимым в статье Е. А. Пюльзю, «проникнув в русские говоры Карелии непосредственно из вепсского и карельского языков, глаголы на *-айда-ть* (*-анда-ть*) с их вариантами стали излюбленной и универсальной моделью для заимствования вообще звукоподражательных и изобразительных глаголов, а также для образования подобных глаголов от исконно русских основ». Некоторые глаголы являются «результатом контаминации или двойного заимствования». К таким глаголам А. С. Герд и Э. М. Дубровина отнесли глаголы *лобандать*, *нюгайдать*, *бурайдать*²⁵.

К глаголам двойного заимствования в андомских говорах можно отнести следующие: *бузяндать* (русск. *бузить* > вепс. *buzeita* — «жужжать» > русск. андомск. *бузяндать* — «ворчать, говорить невнятно»), *куняндать* (русск. диал. *гунуть* — «несмело сказать, издать невнятный звук», *гунить* — «говорить, рассказывать, толковать; болтать» > вепс. *hup'aíta* — «напевать под нос, гнусавить» > русск. андом. *кэняндать* — «невнятно говорить»). Часть глаголов, образованных от русских основ с помощью прибалтийско-финских суффиксов не имеют современных прибалтийско-финских соответствий: *галяндать* — [«смеяться»]. *Вам, девкам, только галяндать, хохотать*²⁶ (из русск. *галиться* — смеяться²⁷), *разгаляндаться* — «расхохотаться, рассмеяться»²⁸, *хáляндать* — «смеяться, хохотать»²⁹ (из русск. *олонецк. галить* — «смеяться, шутить, издеваться, проказить»³⁰); *блэяндать* — «невнятно говорить»³¹ (из русск. *блеять*);

кўмыштатъ — «думать, соображать»³² (из русск. кумекать, русск. диал. куметь).

Вероятно, двойным заимствованием является также *яги-баба́* — «надоедливый человек, зануда; прозвище старух»³³. Как *яги-баба самый настоящий!* (русск. баба-яга > вепс. *gägi-bab(a)* — «баба-яга» > русск. андомск. яги-баба).

В нижнем течении рек Андомы, Самины и Куржексы нами зафиксирован географический термин *обо́й (або́й)* — «небольшой залив на реке; водоем меньше озера, большая лужа» (андомск., саминск., слободск., куржекск.), получивший широкое распространение в топонимии — Уляшевский обой, Пнёвские обои, Вашуковский обой (на р. Самине), Митровский обой, Пусторской обой, Кувшиновский обой, Маринский обой (на р. Андоме)³⁴. Данный термин может иметь как прибалтийско-финское происхождение: из вепс. *abai* — «заводь», при ливв. *abai* — «тоня, место рыбной ловли закидным неводом», люд. *abai*, кар. *abaja*, *араја* — «тоня (участок водоема для ловли рыбы неводом); место завода невода», фин. *араја* — «тоня», а так же «открытое ровное место; равнина; большой ручей; водоотводная канава»³⁵. Тем не менее, не исключено, что данный термин имеет русское происхождение (ср. русск. яросл. *обой* — «все, что откололось, отбилось»³⁶), поскольку часть обоев представляет собой озера-старицы.

Таким образом, в русских андомских говорах имеется более 200 слов, имеющих прибалтийско-финское (главным образом, вепсское и карельское происхождение). Полученные данные свидетельствуют о контактировании на территории Андомского погоста групп славянского и прибалтийско-финского населения и о достаточно позднем обрусении последнего.

**Слова нигижемского (в т. ч. гакукского) говора,
имеющие прибалтийско-финское происхождение**

[выборка из: Студитов Г. Этнографические описания, объемлющие местность Пудожского уезда, Нигижемско-Георгиевского, Пречистенского и Гакукского погостов, 1854 г.^{37]}

А́миштался — «едва почувствовался от ушиба»³⁸, см. а́мештаться, прил. б.

Ви́рзутать — «смеяться»³⁹ (возможно, из вепс. virzotada — «скалить (зубы), оскалиться», «скалить зубы (смеяться)»).

Кувá — «тень»⁴⁰, см. кувá, прил. 5.

Куфа́р — «рыба налим»⁴¹, см. кужар, прил. 5.

Ла́байдать — «говорить быстро»⁴², см. ла́бандать, прил. б.

Ла́мбы — «сани большие»⁴³ (фин. lampus — «перекладина на дне саней»⁴⁴).

Му́чердать — «мучать»⁴⁵, см. му́чердать, прил. б.

Нема́лтаю — «не понимаю»⁴⁶, см. ма́лтать, прил. б.

Ра́стундать — «размыслить»⁴⁷ (кар., ливв., люд. tundie, кар., ливв. tundia — «узнавать», при вепс. tundištada, фин. tuntea — «узнавать»).

Си́чега — «мелкий дождь»⁴⁸ (кар., ливв., люд. tšite — «мелкий дождь»⁴⁹).

Ты́райдать — «дрожать»⁵⁰, см. то́рандать, прил. б.

Ча́нжать — «говорить ненужное»⁵¹ (вепс. čan'žta, čan'žotada — «бурчать (ворчать)», при ливв. čänd'žatä — «болтать чепуху, молоть вздор»⁵²).

Я́тковать — «говорить»⁵³, см. ятковать, прил. б.

**Слова нигижемского (в т. ч. гакукского) говора,
имеющие прибалтийско-финское происхождение**

[выборка из: Шайжин Н. Говор крестьян Негижемской волости, Пудоожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1903. № 126–128, 130–136⁵⁴]

Ба́цёга — «суконная рукавица» (саамск. va'tts — «рукавица»⁵⁵ или вепс. vačag — «старая рукавица»⁵⁶).

Бо́радать — «ворчать, жужжать», см. бо́рандять, прил. 6.

Двушарпа́цной — «с двумя концами». *Трехшарпа́цны вилы*. См. шорпа́чный, прил. 6.

Ка́ва — «кол, вколоченный в дно озера или реки» (вепс. kavi, люд. kuavi, kuav, ливв. kuavi, kaavi — «кол»⁵⁷).

Ка́пки — «ноги, лапы», см. ка́пки, прил. 5.

Ка́цяга — «название одной лесной птицы», см. ка́гача, прил. 5.

Ку́лига — «плохо расчищенное место на пожне», см. (за)ку́лига, прил. 5.

Ку́ккора — «копилка, мешок с деньгами» (вепс. kukkor, люд. kukkar, ливв., кар. kukkaro — «кошелек для денег», при фин. kukkaro — то же⁵⁸).

Ло́вканица — «репная или брюквенная похлебка» (люд. lohkoï — «кушанье из репы», ливв. lohko — «густая каша из ржаной муки с репой или брюквой», вепс. lohkiï, lohkoïkaš — «репник (каша из ржаной муки с репой)»⁵⁹).

Ле́гдять — «пускать лошадь для кормежки в поле на привязи», см. нале́гдять, прил. 6.

Мя́жайдать — «гноиться, болеть». Вероятно, связано с мя́жандать, прил. 6.

Ни́дега — «сарга», см. инега, прил. 5.

Пека́ць — «желудок животных», см. пекáч, прил. 6.

Па́кулька — «нарост на березе» (кар. rakkulï — «чага», ливв. rakkulï — «образовавшийся из сока березы древесный трут, губка», люд. rakul' — «нарост на березе, мягкое грибковое образование на стволе березы»⁶⁰).

Ре́гадять — «реветь, рычать (о медведе, например)», см. ре́гандать, прил. 6.

Ружёга — «изгородь не из жердей, а просто из сваленных и не окаразненных деревьев» (ливв. ružeikko, ružeikko — «кустарник, валежник»⁶¹).

Турба — «нижняя часть лица, морда животных» (кар. turpa — «морда, рыло»⁶²).

Шайма, шаймовина — «яма в пожне, вырытая для мочения льна», см. шайма, прил. 5.

Шо́лега — «улегающееся волнение» — образовано от шо́ляндать, см. прил. 6.

Чёлпаце — «плескаться, полоскаться», см. чо́лбаться, прил. 6.

Чи́радать — «потрескивать». *Масло как закипит, так и зачирада. Чирайдуци руцеецики.* См. чи́рандатель, прил. 6.

Чи́руша — «ласкательное название ребенка», см. чи́руши, прил. 6.

Чубадать — «ворковать, говорить», см. чо́бандать, прил. 6.